

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ. КНИГОВЕДЕНИЕ

УДК 002.2

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11-121-140>

Переоткрывая классику: модель коммуникативного цикла Роберта Дарнтонa

Д. В. Березняков¹, С. В. Козлов²

*¹Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Российская Федерация*

²ГПНТБ СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация

¹*bereznyakov@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>*

²*feld71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>*

Аннотация. Современное состояние российского книговедения устойчиво характеризуется специалистами как кризисное. При этом участники развернувшейся дискуссии по-разному оценивают как его причины, так и научный статус самой дисциплины. Одним из возможных инструментов преодоления кризиса в теоретическом книговедении может стать обращение к концептуальной модели коммуникативного цикла (communications circuit) Роберта Дарнтонa, широко известного своими исследованиями по истории книжной культуры Нового времени. Ставшая для зарубежных историко-книжных исследований классической модель остаётся не востребованной отечественными книговедами. В статье даётся описание самой модели, предполагающей выделение агентов книжной коммуникации, устойчивые взаимодействия между которыми формируют и воспроизводят мир книжной культуры. Реконструируется методологический контекст «прагматического поворота», определяющий реализовавшееся в этой модели видение сущности книжной культуры и опирающийся на семиотическую теорию культуры Клиффорда Гирца. Показаны некоторые варианты адаптации предложенной Дарнтоном модели к последующим периодам развития медиа, а также критика некоторых положений. Модель коммуникативного цикла представляет собой исследовательскую оптику, позволяющую рассматривать книжную культуру как целостность, в которой книга выступает медиумом, обеспечивающим социальное взаимодействия между различными агентами, вовлечёнными в процесс книжной коммуникации. Обращение к модели Дарнтонa может способствовать формированию новой исследовательской повестки с необходимостью включения её в актуальный международный научный контекст.

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.

Ключевые слова: история книги, книговедение, книжная культура, коммуникативный цикл, прагматический поворот, Роберт Дарнтон

Для цитирования: Березняков Д. В., Козлов С. В. Переоткрывая классику: модель коммуникативного цикла Роберта Дарнтон // Научные и технические библиотеки. 2023. № 11. С. 121–140. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11-121-140>

DOCUMENT STUDIES. BIBLIOLOGY

UDC 002.2

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11-121-140>

Rediscovering classics: Robert Darnton's communications circuit

Dmitry V. Bereznyakov¹, Sergey V. Kozlov²

¹*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*

²*State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*

¹bereznyakov@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>

²feld71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>

Abstract. Many scholars point to the crisis in the Russian bibliology. Meanwhile, those involved in the discussion specify the origins of the crisis in the discipline differently. One possible way to overcome the theoretical crisis of bibliology is to turn to Robert Darnton's conceptual model of communications circuit. Robert Darnton is well known for his studies in the history of book culture of the modern era yet his model, which has long been recognized as a classic in international historical book studies, has been ignored by Russian bibliologists. The author describes the model that contemplates to identify agents of book communications; the sustained interactions between the agents structure and reproduce the world

of book culture. The methodological context of the “pragmatic turn” that defines the model-based concept of book culture based on Clifford Geertz’s semiotic theory of culture, is revised. Possible ways of adapting Darnton’s model to the subsequent stages of media development are outlined. The communications circuit model offers research optics to consider book culture as the communicative wholeness within which the book serves as a medium to facilitate social interactions between different agents involved in the book communication process. Application of Darnton’s model would provide a new research agenda and its incorporation into the relevant international scholarly context.

The paper is prepared within the framework of R&D Plan of RAS SB State Public Scientific Technological Library, Project “The book culture transformation within the social communications of the 19th-20th centuries”, No. 122041100088-9.

Keywords: book history, bibliology, book culture, communications circuit, pragmatic turn, Robert Darnton

Cite: Bereznyakov D. V., Kozlov S. V. Rediscovering classics: Robert Darnton’s communications circuit // Scientific and technical libraries. 2023. No. 11, pp. 121–140. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11-121-140>

*...нет ничего менее известного, чем уже опубликованное.
Умберто Эко [1. С. 18]*

Введение

Рефлексия над методологическими основаниями той или иной сферы науки не является рутинным процессом. Как правило, она выливается в научную полемику и выражается в кристаллизации конкурирующих точек зрения или научно-исследовательских повесток, претендующих на легитимное видение ключевых проблем и базовых категорий конкретной области исследований. В этом смысле научно-исследовательская повестка ориентирована как на формирование приоритетных проблем, так и теоретических рамок их осмысления, что находит своё выражение в выработке тезауруса и соответствующего ему дискурса, который манифестируется в конкретных исследовательских практиках и текстах.

Если обратиться к тому, как представители современного отечественного книговедения описывают сложившуюся в данной области науки ситуацию, то можно увидеть, что ключевым определением, фиксирующим это состояние, будет «кризис». В настоящее время можно говорить о формировании *дискурса кризиса книговедения*, продуктивность которого видится исследователям в обозначении существующих проблем, их анализе, обсуждении и поиске путей решения [2. С. 218].

Внутри риторических рамок развернувшейся полемики и воспроизводится дискурс кризиса, представленный двумя основными лагерями, радикально отличающимися во взгляде на научный статус книговедения и книгу как феномен культуры.

Представители первого лагеря рассматривают *книгу как частный случай документа*, а в качестве метатеории, которая призвана легитимировать и фундировать этот подход, выдвигают *документологию* как всеобщую теорию документа [3]. Статус этой науки понимается и моделируется её приверженцами аналогично наукам естественным и техническим, что позволяет говорить о наличии уже открытых ими «законов документологии» [4. С. 17–24].

Представители второго лагеря понимают *книгу как частный случай медиа*, который должен рассматриваться в широком культурно-историческом контексте [5, 6]. В этой логике книговедение выступает дисциплиной, изучающей «основные особенности и закономерности функционирования текстов в социуме в их исторической динамике, взаимозависимость и взаимовлияние формы и содержания, роль текстов различной материальной природы в общественно-культурных трансформациях и медиатизации общества» [7. С. 118]. В связи с этим ситуация, характерная для позднесоветского и актуального российского книговедения, характеризуется как «*бегство от культуры*», когда «абсолютизация типологии и типологического метода в конечном итоге изымает книгу из культуры, а книговедение – из системы культурологического знания в самом широком его понимании, и превращает книговедческое знание в схоластическую науку ради науки» [8. С. 60–61].

Несмотря на кратко описанные выше принципиальные отличия методологических установок в понимании статуса книговедения и сущности книги среди отечественных авторов, сами научные поиски всегда предполагают их соотнесение с опытом других исследователей, которые социализировались в иных профессиональных культурах и

придерживались чётко заявленных методологических принципов, в соответствии с которыми реализовывали свои исследования.

Обращение к теоретическим аспектам книжной культуры Нового времени одного из классиков *book studies* Роберта Дарнтона может способствовать формированию новой повестки отечественного книговедения, его включению в международный научный контекст. В постсоветских историко-книжных исследованиях при том, что вклад Р. Дарнтонa в изучение истории книги отмечается многими исследователями (например, в работе [9]), модель коммуникативного цикла до сих пор не нашла своего подробного освещения. Практически единственным её упоминанием является работа И. К. Стаф. Автор, связывая со статьёй Р. Дарнтонa начало перелома в понимании исторических функций книги, вскользь сообщает, что «Дарнтон в общих чертах намечает модель возникновения и распространения книг в обществе» [10. С. 100]. Заметим, однако, что концепция Дарнтонa посвящена не столько возникновению книг, сколько описанию полного цикла циркуляции книжных текстов в культуре.

1. Методологический контекст возникновения модели Дарнтонa

«Общая модель для анализа того, как книги появляются на свет и распространяются в обществе» [11. Р. 67] была предложена историком европейской печатной книги Робертом Дарнтоном в 1982 г. в его эссе «Что такое история книги?». Модель коммуникативного цикла Р. Дарнтонa, которую мы подробно охарактеризуем ниже, появилась в самом начале 1980-х гг. и вызвала широкий отклик и интенсивную критическую дискуссию в научном сообществе. Этот факт, в первую очередь, объясняется общим контекстом, который характеризовал трансформацию теоретико-методологических оснований социогуманитарного знания в тот период. Общий вектор этой трансформации можно обозначить термином «прагматический поворот», суть которого заключается в попытке уйти от детерминистских объяснений общества и культуры на основе обезличенных и объективных структур и институтов и вернуть человека как действующего субъекта социально-исторического процесса в качестве антропологической основы социальных наук. В рамках «прагматического поворота» понятие «практика» постепенно становится центральной категорией, объединяющей раз-

личные подходы в единое междисциплинарное пространство. В его границах происходит замена «представления о структурно-функциональной, культурной или экономической детерминированности деятельности людей более “гуманистической” картиной социальной реальности, подчёркивая активную роль коллективной человеческой деятельности в воспроизводстве и изменении социальной системы» [12. С. 11].

Эпистемологический сдвиг в сторону теории практик предполагал смещение исследований с уровня макроструктур глобальной истории, предопределяющих динамику исторического процесса, на уровень прагматики социальных взаимодействий, которые всегда носят символически опосредованный характер. В этом смысле культура (в том числе и книжная) начинает рассматриваться в *антропологической перспективе*, предполагающей методологический акцент не на структурно-статистических параметрах и данных, а на смыслах, выраженных в символах, и используемых различными акторами в процессе социального взаимодействия. Как писал сам Р. Дарнтон, «объекты культуры создаёт не сам историк, но люди, которых он изучает. Смысл исходит от них, и его нужно вычитывать, а не подсчитывать» [13. С. 301].

Предложенную Р. Дарнтоном модель коммуникативного цикла имеет смысл рассматривать именно в контексте трансформации принципов и установок гуманитарного познания, заданных «прагматическим поворотом», что хорошо прослеживается на примере творческой биографии самого учёного, которая формировалась в первую очередь под влиянием интерпретативной теории культуры Клиффорда Гирца и французской школы «Анналов».

«Прагматический поворот» отсчитывается с начала 1970-х гг. [14. Р. 126–166], когда были опубликованы ставшие впоследствии классическими «Набросок теории практик» Пьера Бурдьё (1972) и «Интерпретация культур» Клиффорда Гирца (1973). С последним Р. Дарнтон связывала многолетняя творческая и личная дружба.

В 1968 г. Р. Дарнтон начинает преподавать в Принстонском университете, а в 1970 г. К. Гирц принимает приглашение возглавить работу новообразованной Школы социальных наук при Принстонском Институте перспективных исследований (Institute for Advanced Study, IAS). Их плодотворное сотрудничество воплотилось в том числе в организованном Р. Дарнтоном совместном историко-антропологическом семинаре в Принстонском университете, ставшем коммуникативной

площадкой для обсуждения и апробации новых подходов в исследованиях культуры, а одним из результатов – знаменитая книга «Великое кошачье побоище» (1982).

Отталкиваясь от веберовского проекта «понимающей» социологии, в котором акцент делается на анализе смысла социального действия, Гирц понимал феномен культуры в семиотической перспективе, что предполагает не эксперимент и поиск универсальных законов, а интерпретативную методологию и так называемое «насыщенное описание», позволяющие исследователю декодировать значения, которые вкладывают в социальные взаимодействия индивиды как творцы социальной реальности. Иными словами, задача исследователя культуры заключается в том, чтобы интерпретировать смысл человеческого действия исходя из его контекста [15. С. 9–42]. Такая методологическая установка превращает учёного из внешнего наблюдателя, моделирующего объекты в лаборатории и экспериментирующего, но не коммуницирующего с ними, в исследователя, погружённого в смысловую реальность, воспроизводящуюся в устойчивых социальных взаимодействиях наблюдаемыми индивидами, с которыми можно вступить в коммуникацию или попытаться декодировать исторические источники, которые эти коммуникации манифестируют. Как афористично подчёркивал сам К. Гирц, «антропологи не исследуют деревни... они занимаются исследованиями в деревнях».

Воздействие «прагматического поворота» на историко-культурные исследования хорошо прослеживается на примере трансформации методологических установок французской школы «Анналов», в конструктивной полемике с которой во многом и сформировались взгляды Дарнтонна на «ремесло историка» и книжную культуру.

Для первого поколения «отцов-основателей» школы было характерно приоритетное внимание именно к социальным и темпоральным макроструктурам, что нашло своё классическое воплощение в концепции «времени большой длительности» (*«la longue durée»*) Ф. Броделя. Макроструктура погружена в это время и представляет собой «организацию, порядок, систему достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами... Это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего она – историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени» [16. С. 124]. В свою очередь «событийная история» (*«histoire événementielle»*) – «это

история кратковременных, резких, пульсирующих колебаний. Сверхчуткая по определению, она настроена на то, чтобы регистрировать малейшие перемены» [17. С. 20–21]. В конечном счёте, ставший всемирно известным броделевский афоризм «событие – это пыль» очень чётко демонстрирует тот факт, что не люди как акторы, а структуры являются настоящими героями подлинно научного исторического нарратива. В свою очередь, критикуя историков, следующих макроисторической логике Броделя, Дарнтон отмечает, что «их история оказывается на таком абстрактном уровне, что напрочь упускает из виду реальных людей с их страстями и непредсказуемостью» [13. С. 343].

В дальнейшем, с возникновением так называемой «новой истории» (*Nouvelle histoire*), как раз пришедшейся на период «прагматического поворота» и далее «культурной истории», происходит существенная методологическая переориентация в сторону антропологического понимания культуры [18]. Именно в контексте этих фундаментальных перемен и формируются ключевые принципы исследования книжной культуры, реализованные Р. Дарнтоном в своих работах.

Важнейшая особенность дарнтоновского подхода к истории культуры заключается в том, что он уподобляет практику исторического исследования детективному расследованию, специально настаивая на том, что как в первом, так и во втором случае можно говорить об ориентации на эмпиризм и герменевтическую технику интерпретации. Метод, которым пользуется историк при расшифровке смыслов социального взаимодействия, сопоставим с теми процедурами реконструкции фактов и улик, которыми пользуется сыщик, расследуя преступления по оставшимся следам: «Исторические изыскания во многом напоминают детективное расследование... Далёкие от того, чтобы прочесть мысли подозреваемого или раскрыть преступление с помощью одной интуиции, детективы задействуют эмпирику и герменевтику» [19. С. 131–132]. В определённом смысле профессии антрополога, историка, детектива, а также и репортёра¹ схожи в том принципиальном аспекте,

---

¹ Р. Дарнтон родился и вырос в семье журналистов и начинал свою карьеру как репортёр, освещавший криминальную хронику в американских газетах. Кроме того, стоит отметить, что данные рассуждения Р. Дарнтоня непосредственно пересекаются с концепцией «уликовой парадигмы» итальянского историка Карло Гинзбурга, который также проводил прямые параллели между логикой исторического и детективного анализа [См.: 20. С. 189–241].

что ориентированы на поиск не глобальной истины, а локальной, завязанной на распутывание цепочек взаимодействий, за которыми стоят смыслы, которые в них вкладывают индивиды. Очевидно, что в ходе такого взаимодействия формируются устойчивые сети коммуникаций, которые всегда носят медиаопосредованный характер, и если обратиться к представленной ниже модели коммуникативного цикла, то мы увидим в ней попытку зафиксировать эти цепи и ключевых акторов, которые их используют, совместно создавая и воспроизводя ту реальность, которую мы привычно называем миром книжной культуры.

2. Модель коммуникативного цикла: краткая характеристика и последующая трансформация

Обратимся непосредственно к эссе «Что такое история книги?», в котором и представлена модель Дарнтонa. Стремление к её выдвиганию сам учёный объяснил тем состоянием, в котором на рубеже 1970-х – 1980-х гг. пребывали на Западе историко-книжные исследования. Он указывал, что исследователь, изучающий роль книг в человеческой истории, может легко запутаться в хитросплетении различных подходов, наук и методологий [11. Р. 66–67].

Выход из сложившейся ситуации учёный увидел в том, чтобы представить модель коммуникативного цикла, которая демонстрирует принципиальный механизм циркуляции текстов в обществе. Сам Р. Дарнтон называл свою модель «Communications Circuit», что может быть переведено на русский и как «коммуникативная цепь» [10. С. 100; 21. С. 338]), и как «коммуникативный цикл». Нам представляется, что последнее гораздо более точно отражает смысл концепции, поскольку речь идёт не о линейном, а о замкнутом и повторяющемся характере взаимоотношений агентов коммуникации. Сам Р. Дарнтон предостерегает от изолированного анализа отдельных сегментов коммуникационного цикла, свойственного историко-книжным исследованиям [11. Р. 67]. Автор специально подчёркивает, что книга как средство коммуникации и объект воздействия больше, чем сумма её частей. Поэтому книжную коммуникацию необходимо исследовать как систему, а не как серию изолированных процессов.

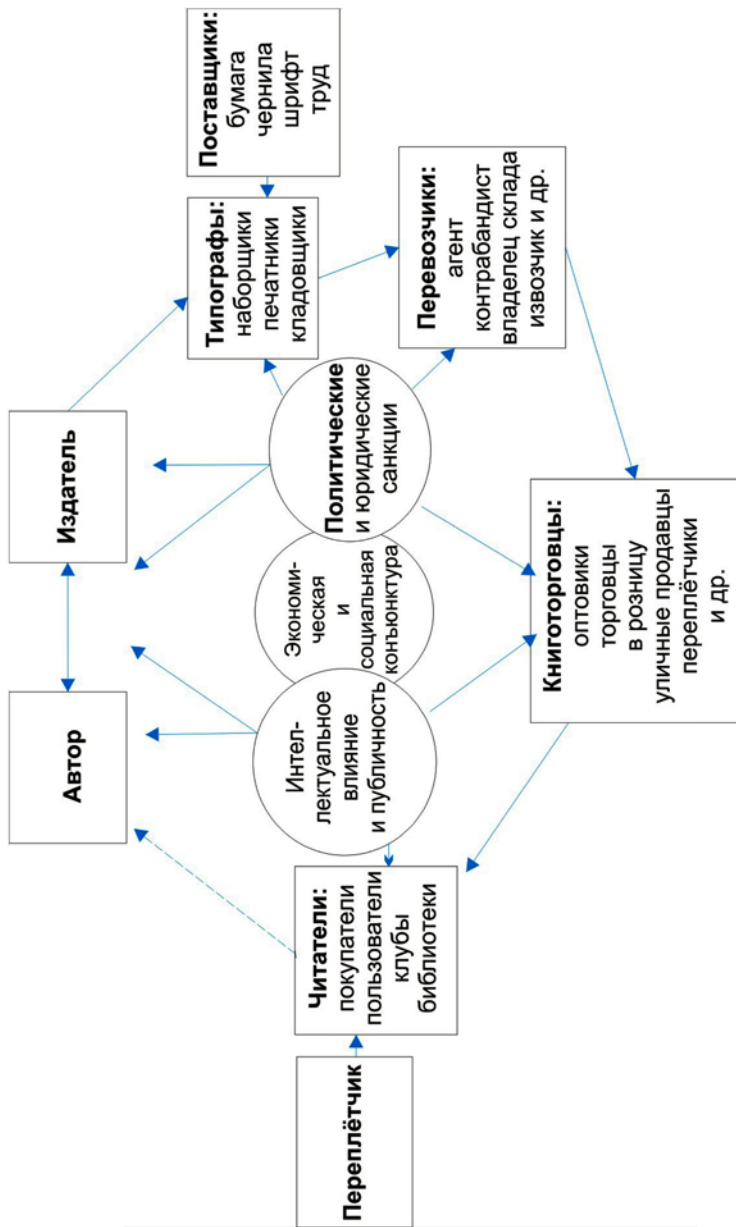
Исследователь выделяет шесть ключевых групп агентов книжной коммуникации в соответствии с осуществляемыми ими типами дея-

тельности, сфокусировавшись на тех ролях, которые они играют в производстве печатной книги и продвижении её к читателю (см. рис.).

Универсальность своей модели Р. Дарнтон обосновывает тем, что «печатные книги обычно проходят примерно один и тот же жизненный цикл. Его можно было бы описать как канал связи, который проходит от автора к издателю (если книготорговец не берёт на себя эту роль), печатнику, перевозчику, книготорговцу и читателю. Читатель завершает цикл, потому что он влияет на автора как до, так и после написания произведения. Авторы сами являются читателями. <...> Таким образом, схема образует полный цикл. Сообщения передаются, преобразуются по пути, переходя от мысли к письму, к печатным символам и обратно к мысли» [Там же. Р. 67]. Особо следует отметить и то обстоятельство, что читатель в модели Дарнтон не является пассивным потребителем текстов. Это сближает его подход с концепциями активных аудиторий, получивших широкое распространение в современной коммуникативистике [22. С. 350–365].

Кроме самого набора групп акторов, важным в модели Дарнтон является указание на то, что в процессе книжной коммуникации на них оказывают воздействие различные социальные, политические и экономические факторы, к которым он относит интеллектуальное влияние и публичность, экономическую и социальную конъюнктуру, а также политические и юридические санкции. Впрочем, учёный оставляет все эти факторы без подробной характеристики.

Исследователь отмечает, что изучение истории книг привлекает учёных и практиков разных наук, так как является кроссдисциплинарным полем исследований, предполагающим выявление и анализ проблем, связанных с процессом коммуникации через печать [11. Р. 66].

Коммуникативный цикл [1.1. Р. 68]

В своём эссе Р. Дарнтон не характеризует сколько-нибудь подробно каждую из групп агентов, ограничившись перечислением авторов, уже внёсших вклад в их изучение. Кроме того, он ставит исследовательские задачи на перспективу. Вернувшись через четверть века к своему тексту в статье «Что такое история книги? Новый взгляд», он отметил, что «предлагая модель изучения истории книг двадцать четыре года назад, я не имел в виду указывать историкам книг, как они должны выполнять свою работу. Я надеялся, что эта модель может быть полезна в эвристическом плане, и никогда не думал о ней как о сопоставимой с моделями, предпочитаемыми экономистами...» [23. Р. 495].

Хотя в дальнейшем Р. Дарнтон практически не возвращался к теоретическим штудиям, его многочисленные эмпирические исследования печатной культуры разных периодов были выдержаны в рамках предложенной им модели. В качестве примера можно привести одну из его последних работ – опубликованную в 2018 г. на английском языке и вышедшую в русском переводе в 2022 г. книгу «Литературный Тур де Франс: Мир книг накануне Французской революции». Книга начинается словами: «Мир книг в предреволюционной Франции был бесконечно разнообразен и богат – богат прежде всего тем обилием непохожих друг на друга людей, которые его населяли» [24. С. 7]. Книжный мир Франции накануне революции показан Дарнтоном через взаимодействие между людьми, обеспечивавшими продвижение книжной продукции к массовому читателю.

Повествование в книге строится вокруг путешествия торгового представителя Типографического общества Нёвшателя Жана-Франсуа Фаверже, которое он совершил в 1778 г. по Франции, посетив за пять месяцев десятки книжных лавок и встретившись с сотнями людей, вовлечённых в процесс книжной коммуникации. Автор, по его словам, возвращает к жизни самых разнообразных представителей книжного дела, репрезентирующих разные группы агентов, включённых им в его модель книжной коммуникации. «То, как каждое из [этих] действующих лиц исполняло свою роль, и то, как функционировала коммуникативная система, именуемая книжным рынком, – вот два главных предмета исследовательского внимания в этой книге» [Там же. С. 429].

«Литературный Тур де Франс...» иллюстрирует модель коммуникативного цикла и помогает проследить роль, которую играли книги в социальной коммуникации.

Хотя сам Р. Дарнтон отмечал, что его модель «имеет в виду, прежде всего, издательское дело и книжную торговлю в период технологической стабильности, который длился с 1500 по 1800 г.» [23. Р. 504], он предполагал, что она может быть изменена в соответствии с реалиями более поздних периодов: «С незначительными поправками она может быть применена ко всем периодам в истории печатной книги» [11. Р. 67].

Выдвижение Р. Дарнтоном модели коммуникативного цикла по сути явилось началом изучения книжной коммуникации. Многочисленные исследователи отмечали, что эта модель является очень полезной для изучения взаимодействия между различными агентами, участвующими в передаче текстов в обществе. В частности, П. Мюррей и К. Сквайрс отмечают, что модель коммуникативного цикла книги Роберта Дарнтона, показывавшая, как интеллектуальная собственность распространялась во Франции XVIII в., весьма точно отражала механизмы функционирования издательской индустрии до конца XX в. [25. Р. 2]. Высоко оценивают вклад Р. Дарнтон в *book studies* Дж. Пекоски и Х. Хилл, которые пишут, что хотя модель Дарнтон и основана на изучении книгоиздания Франции XVIII в., но она остаётся актуальной для истории книги и по сей день [26. Р. 1–2].

В дальнейшем историки книги неоднократно обращались к модели Дарнтон. В 1993 г. Т. Адамс и Н. Баркер предложили собственную модель, основанную на подходе Дарнтон, которая была сфокусирована на процессах публикации, а не на тех ролях, которые играют агенты книжной коммуникации на каждом этапе [27]. А. ван дер Веел, изучая интернет как средство передачи текста, использовал схему Дарнтон в качестве концептуальной модели [28]. В 2013 г. П. Мюррей и К. Сквайрс [25], справедливо отмечая острую необходимость обновлений, которые предстоит внести в схему коммуникаций в цифровую эпоху, предложили серию моделей, используя в качестве отправной точки схему Дарнтон. Аналогичным образом трансформацию модели Дарнтон в современной коммуникативной среде рассмотрели Дж. Пекоски и Х. Хилл в 2015 г. [26] и М. Черест в 2020 г. [29].

В настоящей работе мы не будем подробно характеризовать названные исследования. Более подробный их анализ планируем произвести в своих следующих статьях. Отметим, что введение в научный оборот как самой модели коммуникативного цикла Р. Дарнтонa, так и вариантов её адаптации к этапу перехода от печатной к экранной культуре, предложенных различными авторами, способно повысить эвристический потенциал отечественного книговедения.

Заключение

Модель коммуникативного цикла Р. Дантона может быть рассмотрена в широкой методологической перспективе не как жёсткая схема, которая внеположена историко-культурному и медиатехнологическому контексту истории и предписывает заранее сконструированные алгоритмы анализа, а скорее как исследовательская оптика, позволяющая рассматривать книжную культуру как коммуникативную целостность с тремя характерными ключевыми измерениями, принципиально значимыми для современного книговедения.

Во-первых, мир книжной культуры – это не мир текстов, воплощённый в материальных артефактах и документах, зафиксированных на библиотечных полках согласно алфавитному и тематическому коду в формате книжных единиц информации. Напротив, мир книжной культуры – это коммуникативное пространство, в нём книга выступает как медиум, который используется в структурированных социальных коммуникациях. Этот взгляд, в свою очередь, предполагает принципиальную открытость книговедческих штудий, их включённость в общую логику развития социально-гуманитарного знания и возможность использования различных методологических парадигм, в рамках которых медиаопосредованный человеческий опыт рассматривается в различных теоретических оптиках.

Во-вторых, коммуникативный цикл, который структурирует пространство книжной культуры, фиксируется не на анализе обезличенных структур, а на коммуникациях акторов, имеющих различные ролевые статусы, контекстуальные интересы и социальные представления. Причём коммуникативные цепочки следует рассматривать не в традиционной логике трансмиссионной модели коммуникации от адресанта (источника) создания медиаконтента к его адресату (потребителю), когда последнему приписывается статус объекта воздействия (убеждения,

манипулирования, пропаганды), а в логике интеракционной модели. Эта модель в качестве своего главного принципа «выдвигает взаимодействие, помещённое в социально-культурные условия ситуации. Не языковые структуры кода, а коммуникативно обусловленная социальная практика объясняет природу (транс)формации смыслов в общении» [30. С. 38]. Соответственно актёрами в модели Р. Дарнтонна выступают все участники цикла. Это, в том числе, означает, что аудитории (потребители, читатели) являются не объектами индоктринации, а субъектами коммуникации.

Наконец, в-третьих, дарнтоновская модель коммуникативного цикла принципиально исходит из того факта, что книжная культура не является закрытой системой, а, напротив, погружена во внешний контекст и испытывает в его интерпретации значимое воздействие таких факторов, как интеллектуальное влияние и публичность, социально-экономическая конъюнктура, политические и юридические санкции. Иными словами, мир книжной культуры может и должен рассматриваться в перспективе тех наук и характерных для них подходов, которые предметно исследуют соответствующие сферы социальной реальности. Мир книги и книжной культуры принципиально открыт для взгляда профессионального экономиста, социолога, политолога, демографа, исследователя в области технологий и т. д.

В конечном счёте давно ставшая для зарубежных историко-книжных исследований классической, а потому и критикуемая модель Дарнтонна ждёт своего «переоткрытия» в отечественном книговедении. Её использование позволит объединить в едином методологическом видении разные элементы книжной культуры.

Список источников

1. **Карьер Ж.-К., Эко У.** Не надейтесь избавиться от книг! / Интервью Ж.-Ф. де Тоннака. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2013. 336 с.
2. **Маркова В. А.** Развитие книговедения в контексте дискурса кризиса // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 217: Книга и книжное дело в XIX–XXI вв. Санкт-Петербург, 2018. С. 92–98.
3. **Столяров Ю. Н.** Документология: причины появления, этапы развития // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1. С. 15–26.

4. **Столяров Ю. Н.** Документология: учебное пособие. Орёл : Горизонт, 2013. 370 с.
5. **Лизунова И. В., Павленко С. В.** Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23.
6. **Лизунова И. В.** Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв. // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: 100 лет Инбелкульту и белорусской академической науке. Материалы XV Белорусско-Российского научного семинара-конференции. Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси; ФГБУН НИЦ «Наука» РАН. Москва, 2022. С. 283–287.
7. **Эльяшевич Д. А.** О «ренессансе библиологии», книговедении и не только // Потенциал библиотеки в современном мире: трансформации, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара, 2021. С. 117–126.
8. **Эльяшевич Д. А.** Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 55–81.
9. **Рубинштейн Е. Б.** Роберт Дарнтон: «интеллектуальная история снизу» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Москва, 1999. Вып. 1. С. 266–278.
10. **Стаф И. К.** История книги и история литературы: проблемы взаимодействия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 217. С. 99–111.
11. **Darnton R.** What is the History of Books? Daedalus. 1982. Vol. 111. № 3. Representations and Realities (Summer, 1982). P. 65–83.
12. **Волков В. В., Хархордин О. В.** Теория практик. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
13. **Дарнтон Р.** Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.
14. **Ortner S.** Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History. 1984. Vol. 26. P. 126–166.
15. **Гириц К.** Интерпретация культур. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
16. **Бродель Ф.** История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: сборник статей. Москва : Издательство «Прогресс», 1977. С. 114–142.
17. **Бродель Ф.** Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. Роль среды. Москва : Языки русской культуры, 2002. 496 с.
18. **Берк П.** Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 64–91.
19. **Дарнтон Р.** Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 192 с.
20. **Гинзбург К.** Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. Сборник статей. Москва : Новое издательство, 2004. 348 с.

21. **Венедиктова Т.** Новости из истории книги // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). С. 338–346.
22. **Кирия И. В., Новикова А. А.** История и теория медиа : учебник для вузов. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 423 с.
23. **Darnton R.** «What is the History of Books?» revisited. Modern Intellectual History. 2007. Vol. 4. № 3. P. 495–508.
24. **Дарнтон Р.** Литературный Тур де Франс: мир книг накануне Французской революции. Москва : Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.
25. **Murray P. R., Squires C.** The Digital Publishing Communications Circuit // Book 2.0. 2013. Vol. 3. No. 1. P. 3–23. https://doi.org/10.1386/btwo.3.1.3_1
26. **Pecoskie J., Hill H.** Beyond Traditional Publishing Models: An Examination of the Relationships between Authors, Readers, and Publishers // Journal of Documentation. 2015. Vol. 71. № 3. P. 609–626.
27. **Adams T. R., Barker N. A.** New Model for the Study of the Book // A Potencie of Life: Books in Society. The Clark lectures, 1986–1987. London : The British Library, 1993. P. 5–44.
28. **Van der Weel A.** The Communications Circuit Revisited // Jaarboek voor Nederlandse Boekgeschiedenis. 2001. Jaargang 8. P. 13–25.
29. **Charest M.** Revisions to Darnton's «Communications Circuit». URL: <https://storymaps.arcgis.com/stories/72806263753e4994b1df015ba94d58cd>
30. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

References

1. **Kar'er Zh.-K., E'ko U.** Ne nadei'tes' izbavit'sia ot knig! / Interv'iu Zh.-F. de Tonnaka. Sankt-Peterburg : Simpozium, 2013. 336 s.
2. **Markova V. A.** Razvitie knigovedeniia v kontekste diskursa krizisa // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. T. 217: Kniga i knizhnoe delo v XIX–XXI vv. Sankt-Peterburg, 2018. S. 92–98.
3. **Stoliarov Iu. N.** Dokumentologiya: prichiny poiavleniia, e'tapy razvitiia // Nauchny'e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 1. S. 15–26.
4. **Stoliarov Iu. N.** Dokumentologiya: uchebnoe posobie. Oryol : Gorizont, 2013. 370 s.
5. **Leezunova I. V., Pavlenko S. V.** Transformatsiia knigi v usloviakh medii'ny'kh revoliutcii // Bibliosfera. 2020. № 1. S. 12–23.
6. **Leezunova I. V.** Transformatsiia knizhnoi' kul'tury v sotcial'ny'kh kommunikatsiakh XIX–XXI vv. // Sovremennye problemy knizhnoi' kul'tury: osnovny'e tendentsii i perspektivy razvitiia: 100 let Inbelkul'tu i belorusskoi' akademicheskoi' nauke. Materialy'

XV Belorussko-Rossii'skogo nauchnogo seminar-konferentcii. Central'naia nauchnaia biblioteka im. Iakuba Kolasa Natsional'noi akademii nauk Belarusi; FGBUN NITC «Nauka» RAN. Moskva, 2022. S. 283–287.

7. **E'l'iashevich D. A.** «renessanse bibliologii», knigovedenii i ne tol'ko // Potencial biblioteki v sovremenom mire: transformatsii, perspektivy: materialy Vserossii'skoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodny'm uchastiem. Samara, 2021. S. 117–126.
8. **E'l'iashevich D. A.** Knigovedenie: zhizn' posle smerti // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2018. T. 217. S. 55–81.
9. **Rubinshtein E. B.** Robert Darnton: «intelektual'naia istoriia snizu» // Dialog so vremenem: al'manakh intelektual'noi istorii. Moskva, 1999. Vy'p. 1. S. 266–278.
10. **Staf I. K.** Istoriia knigi i istoriia literatury: problemy vzaimodeistviia // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2018. № 217. S. 99–111.
11. **Darnton R.** What is the History of Books? Daedalus. 1982. Vol. 111. № 3. Representations and Realities (Summer, 1982). P. 65–83.
12. **Volkov V. V., Harhordin O. V.** Teoriia praktik. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 298 s.
13. **Darnton R.** Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody iz istorii frantsuzskoi kul'tury. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 384 s.
14. **Ortner S.** Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History. 1984. Vol. 26. P. 126–166.
15. **Girtc K.** Interpretatsiia kul'tur. Moskva: Rossii'skaia politicheskaiia e'ntsiclopediia (ROSSPE'N), 2004. 560 s.
16. **Brodel' F.** Istoriia i obshchestvenny'e nauki. Istoricheskaiia dlitel'nost' // Filosofii i metodologiiia istorii: sbornik statei. Moskva: Izdatel'stvo «Progress», 1977. S. 114–142.
17. **Brodel' F.** Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epohu Philippa II. Ch. 1. Rol' sredy. Moskva: lazy'ki russkoi kul'tury, 2002. 496 s.
18. **Berk P.** Istoricheskaiia antropologiiia i novaia kul'turnaia istoriia // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. № 5 (75). S. 64–91.
19. **Darnton R.** Poe'ziia i polititsiia. Set' kommunikatsii v Parizhe XVIII veka. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 192 s.
20. **Ginzburg K.** Mify – e'mblemy – primety. Morfologiiia i istoriia. Sbornik statei. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2004. 348 s.
21. **Venediktova T.** Novosti iz istorii knigi // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 5 (159). S. 338–346.
22. **Kiriia I. V., Novikova A. A.** Istoriia i teoriia media: uchebnik dlia vuzov. Moskva: Izdatel'skii dom Vy'sshei shkoly e'konomiki, 2017. 423 s.
23. **Darnton R.** «What is the History of Books?» revisited. Modern Intellectual History. 2007. Vol. 4. № 3. P. 495–508.
24. **Darnton R.** Leeteraturnyi Tur de Frans: mir knig nakanune Frantsuzskoi revoliutsii. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 480 s.

25. **Murray P. R., Squires C.** The Digital Publishing Communications Circuit // Book 2.0. 2013. Vol. 3. No. 1. P. 3–23. https://doi.org/10.1386/btwo.3.1.3_1
26. **Pecoskie J., Hill H.** Beyond Traditional Publishing Models: An Examination of the Relationships between Authors, Readers, and Publishers // Journal of Documentation. 2015. Vol. 71. № 3. P. 609–626.
27. **Adams T. R., Barker N. A.** New Model for the Study of the Book // A Potencie of Life: Books in Society. The Clark lectures, 1986–1987. London : The British Library, 1993. P. 5–44.
28. **Van der Weel A.** The Communications Circuit Revisited // Jaarboek voor Nederlandse Boekgeschiedenis. 2001. Jaargang 8. P. 13–25.
29. **Charest M.** Revisions to Darnton's «Communications Circuit». URL: <https://storymaps.arcgis.com/stories/72806263753e4994b1df015ba94d58cd>
30. **Makarov M. L.** Osnovy` teorii diskursa. Moskva : ITDГK «Gnozis», 2003. 280 s.

Информация об авторах / Authors

Березняков Дмитрий Владимирович – канд. полит. наук, и. о. заведующего кафедрой политологии Института философии и права Новосибирского государственного университета, доцент кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Российская Федерация
bereznyakov@ngs.ru

Dmitry V. Bereznyakov – Cand. Sc. (Political Science), Acting Head, Department of Political Science, Institute for Philosophy and Law; Associate Professor, Department of Mass Media, Institute for Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
bereznyakov@ngs.ru

Козлов Сергей Васильевич – канд.
ист. наук, старший научный
сотрудник, заместитель директора
ГПНТБ СО РАН по научной работе,
Новосибирск, Российская
Федерация
feld71@mail.ru

Sergey V. Kozlov – Cand. Sc.
(History), Senior Researcher,
Deputy Director for Research, State
Public Scientific Technological
Library of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation
feld71@mail.ru